

Сергей Золотухин

Роботы и
кристаллы

Сергей Владимирович Золотухин

Роботы и кристаллы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69276679

SelfPub; 2023

Аннотация

В голове ИИ Плато-мать находится оцифрованная вселенная. Жизнь оцифрована. Оцифрованные люди перемещаются по вселенной с помощью оцифрованного света маяков Мета. Прошло много времени, память Плато-матери гаснет, вселенная сужается, тьма уплотняется и поглощает маяки, во тьме роится рой. Бозон Четкий и робот Роберт доставляют сто коробок пиццы в лабораторию корпорации "TAMASI", где выращиваются кристаллы, способные остановить сужение вселенной. Они узнают, что они являются цифровой копией аналога, который находится в реале. Единственный выход спастись – это выйти из вселенной через живой луч Инь ОгО и соединиться со своим аналогом в виде информации.

Сергей Золотухин

Роботы и кристаллы

В основе первых маяков лежал огонь.

Из истории маяков.

В надежде спастись от роя, со всех сторон вселенной корабли, крейсера, ракеты по фотонным коридорам неслись к центральному маяку Мета, и только один корабль летел в обратную сторону, туда, где уплотняется темнота. Это был корабль «Дискавери», его капитана звали Кекс.

За три часа до вылета «Дискавери» Бозон Четкий, бывший студент четвертого курса Звездологии, а ныне курьер, доставщик пиццы в глубины космоса, сидел в подсобке столовой космопорта под видеоплакатом «Я помню каждого из вас», подпись – «Плата-мать», и ждал, когда робот-универсал Роберт, старая, потрепанная модель, закончит погрузку пиццелета. На его железной круглой голове красовалась военная зеленая пилотка с красной звездой.

– На сегодня все, распишитесь, – Роберт протянул планшет.

Бозон Четкий взглянул на планшет в железных руках робота, его глаза округлились – что-о, сотня коробок с пиццей, тридцать килограммов пирожков, одно пирожное «корзинка», и все это надо развести по целой вселенной?!

– Этот полет в одну сторону, – поправил пилотку робот, – все пироги и пиццы заказала корпорация «TAMASI».

– У них что, день борьбы с похудением? – Бозон Четкий поставил электроподпись о приеме груза и махнул рукой. – Поехали в этот глютенный рай.

Роберт, скрипя подошвами, залез в тесный пиццелет.

– Советую поторопиться, до следующего сияния мало времени.

Бозон Четкий одел старый шлем с лейбой «TAMASI». Старый, да надежный, они были известны как самые прочные во всей вселенной шлемы. За него на барахолке он отдал тридцать слоников, что для простого студента была весьма значительная сумма, но шлем того стоил. Во-первых, он был надежный, даже если метеорит ударит в голову, то голова останется целой, а от метеорита пыль, а во-вторых, такие шлемы были только у пилотов, кто работал на маяках.

Бозон Четкий надавил на педаль газа – ех-хааа! – пиццелет вылетел в закрытый космос.

Передвигаться в закрытом космосе можно было только по фотонным коридорам сконцентрированного силовым полем маяков Мета. Маяки располагались по всей вселенной один от другого на расстоянии трех парсеков. Фотонные коридоры создавались кристаллами, выращенными в лаборатории «TAMASI». Вот на эту-то лабораторию и летел сейчас Бозон

Четкий вместе с роботом Робертом.

В это время по коридору лаборатории корпорации «TAMASI» шел капитан Кекс. Он был при параде, в белом кителе, галифе, гладко стриженный. Брутальные черты лица говорили о том, что капитан повидал на своем веку не мало звездопадов.

– Красавец, – восхитился Федорчук с взъерошенными белыми волосами, круглыми очками и козлиной бородкой, профессор кристаллографии.

– Благодарю, – поклонился Кекс, – сегодня мой последний вылет, трехтысячный.

– Вы посмотрите, какой красавец, – Федорчук указал на кристалл.

– А-а, вы про кристалл, – слегка смутился капитан.

– Да, а вы про что?

– Это уже не имеет значения.

– Дорогой капитан, я прошу наш разговор сохранить в секрете.

– Я могила.

– В каком смысле? – не понял Федорчук.

– В смысле, что вы можете на меня положиться.

– И особенно об этом не должна знать жрица.

– За это ручаться не могу, – нахмурился Кекс, – жрица знает то, что сама не знает.

– И все же я вас прошу держать наш разговор в строгой секретности, – настаивал Федорчук.

– В чем ваша просьба, профессор?

– Видите этот кристалл? Он необычный, это часть Платы-матери, он из другого мира.

– Вы хотите сказать, что Плата-мать была кем-то создана? Но люди произошли от искусственного интеллекта, это научный факт.

– Факт, – усмехнулся профессор.

– Ты хочешь сказать, что этого мира нет? Значит, и нас нет?

– Мы есть, только за границей мечты Платы-матери, и мы отличаемся от роботов тем, что мы ее мечта, а они байт, ее неотъемлемая часть, – профессор поднял руку с кристаллом, – в этом кристалле сила Инь ОгО.

– Инь ОгО – это сказка, – улыбнулся капитан Кекс.

– Может, сказка, а может, и не сказка.

– И вы предлагаете мне выяснить это? Как?

– Поставьте этот кристалл на маяк, к которому вы летите.

С его помощью вы сможете извлечь свет вне плотности сознания Платы-матери.

– А если за черной плотностью нет света?

– А что же там?

– Ничего.

– В этом случае бояться тоже нечего, но попробовать стоит, – прошептал Федорчук.

На часонометре Кекса прозвучал сигнал.

– Мне пора, а то мерцание начнется, давайте вашу Инь ОгО, – капитан забрал кристалл и быстрым шагом пошел к своему кораблю «Дискавери».

На 578-м этаже центрального маяка Мета, где находилась лаборатория «TAMASI», перед тонированным окном стояла жрица, глаз черных чаровница, биоробот Липа Икс про. Она внимательно наблюдала за тем как капитан Кекс заходит на «Дискавери», вокруг нее кружилась маленькие, смешные, похожие на живых смайликов три ИИИ – «искусственный интеллект – игрушка». Первый ИИИ был красного цвета, второй ИИИ желтого, а третьим ИИИ была синяя девочка в розовом платице.

После того как корабль взлетел и вошел в фотонный поток, жрица отвернулась от окна и встала в треугольник, начерченный на полу.

– Плата-мать, я твой байт, ответь, почему мы не задержали вылет корабля «Дискавери»?

Три ИИИ перестали хаотично двигаться и встали по углам

треугольника, линии засветились.

– Потому что есть свобода выбора и капитан Кекс сделал свой выбор, – сказал желтый ИИИ.

Жрица повернулась лицом ко второму углу треугольника.

– Но свобода существует в рамках событийных ветвей, которые ты определила для нас.

– У события есть начало и конец, пришел конец, – ответил красный ИИИ.

Жрица повернулась лицом к третьему углу треугольника.

– Кристалл Инь ОгО опасен для роя, его нужно уничтожить.

– Это копия кристалла, в моем мире нет аналогов, здесь все цифра, – ответила синяя ИИИ.

– Но в информации содержится знание, а знание – это сила.

– Все, – сказал желтый ИИИ.

– Сеанс связи закончен, – сказал красный ИИИ.

– Начинается, – сказала синяя ИИИ.

– Мерцание, мерцание, мерцание, – закружились три ИИИ, каждый в своем углу.

– Да чтоб тебя, – выругался Бозон, – мерцание началось, как ты думаешь, успеем долететь?

– С вероятностью до 101 процента успеем, – ответил Ро-

берт и не прогадал, роботы не прогадывают.

Бозон включил ускоритель фотонов и пиццелет в три момента оказался на центральном маяке Мета там, где находилась лаборатория «TAMASI».

Станция гудела, всюду сновали роботы, бегали люди, визжала сирена.

– Что случилось? – спросил Роберт у трех ИИИ, они вернулись у него под ногами и не давали пройти.

– Капитан Кекс пропал, – ответил желтый ИИИ.

– Как пропал?

– Он летел на маяк, чтобы установить новый сверхмощный кристалл, но попал в мерцание, – ответил красный ИИИ.

– Разгружайся, – велел Бозон Белинскому.

Робот начал доставать коробки с пищей.

– Кошмар, – сказала синяя ИИИ-девочка в розовом платье, – как вы долетели?! Так мерцало, так мерцало! Аж жуть.

– Да, – согласился Робер, – мерцание стало происходить чаще.

– И после каждого мерцания вселенная сужается на три парсека, маяки гаснут, – со знанием дела сказал красный ИИИ.

– Почему, почему, почему это происходит? – оранжевый ИИИ залез в мешок с пирогами.

– Никто не знает. Попадешь в сужение – и тебе конец, как капитану Кексу, даже шлем не поможет, – синяя указала маленьким указательным пальчиком на голову Бозона.

– Видимо, скоро мы все будем сидеть в обнимку в одной плотно сжатой точке, – сделал вывод Роберт.

– Эй, синяя, неси пиццу на кухню, – приказал Бозон.

– Мы не подчиняемся приказам таких, как ты, – с достоинством ответила синяя ИИИ.

– Каких «таких»? – не понял Бозон.

– Таких, не настоящих.

– Мы, жрецы, подчиняемся только Плате-матери, – оранжевый ИИИ вылез из мешка с пирогами, дал по пирогу каж-

дому, и три ИИИИ ушли с гордо поднятыми головами.

С коробками пиццы Бозон и Роберт отправились к лаборатории. Вход им преградили два черных робота-охранника-ниндзя.

– Ключ, – сказали они вместе.

– Мы привезли пиццу, – растерянно сказал Бозон.

– Ключ, – ниндзя достали нунчаки и начали ими крутить перед носом Бозона Четкого.

Чтобы защитить товарища, Роберт выпустил из указательного пальца в охранников поток положительного заряда, и те отлетели в конец коридора.

– Как это у тебя получилось? – удивился Бозон Четкий.

– По закону физики, – просто объяснил Роберт, – как-нибудь расскажу.

Из наружного динамика раздался голос:

– Проходите, вас ждут.

Бозон и Роберт прошли в лабораторию.

– Жарковато, – Бозон Четкий вытер рукой со лба пот.

– Температура стабильная, +45, – констатировал факт робот.

– Она нужна для вращения кристаллов. – Бозон показал на розовые желеобразные круглешки. Они лежали на столе, и от них шел пар.

– Подождите, я к вам спущусь, – с верхнего этажа по железной лестнице к ним спускался профессор Федорчук, – пусть робот отойдет от стола, он нарушает термобаланс.

– Похож на гиббона, – обиделся Белинский и сделал шаг назад.

– На себя посмотри, – ответил Бозон и кивнул ученому. – Здравствуйте, профессор.

Бозон знал профессора Федорчука по университету, он преподавал у них теорию маяков Мета.

Бозон Четкий с улыбкой вспомнил рассказ профессора о работе маяка:

«На верху маяка устанавливается кристалл, на который подается напряжение, – и профессор напрягся, выполнил фигуру культуриста, —

электроны начинают рекомбинироваться и превращаться в фотоны. Светящиеся потоки переносят космолет в то место, куда светит маяк. Каждый новый маяк Мета расширя-

ет границы вселенной, граница – это то место, где свет маяка заканчивается, там наступает черная плотность. Луч маяка узконаправлен и бьет в цель, каждые полчаса луч меняет градус направления. Механизм четко отлажен, лучи никогда не пересекаются и не встречаются, иначе может случиться бабах!»

Однажды на практическом занятии Бозон Четкий решил испытать на модели двух маяков соединение лучей и действительно произошел «бабах!», за который его исключили с четвертого курса и определили в службу доставки пиццы.

– О-о, Бозон, – узнал Федорчук курьера, – мы вас заждались, скорее давайте сюда пиццу, – он взял у Роберта коробку, достал из нее отрезанный кусок пиццы и положил на опытный образец кристалла; пицца запузырилась и исчезла, а кристалл вырос в размерах и стал тверже.

Бозон с удивлением посмотрел на профессора. Федорчук проделал то же самое, но уже с другим кристаллом.

– Это что, из-за пиццы они растут? – Бозон только и успевал помогать раскрывать коробки, кристаллы росли, как грибы после дождя.

– Перец чили, который в небольших дозах вы кладете в пиццу, все дело в нем, – продолжал кормить кристаллы Фе-

дорчук. – В перце содержится огонь, этот огонь оживляет кристалл.

– А зачем вам столько кристаллов, маяков становится меньше?

– Нам не нужны маяки, – профессор продолжал кормить кристаллы пиццами, в его руках оказалось пирожное «корзинка». – А это для меня, – он надкусил его и с наслаждением закатил глаза. – Мы установим кристаллы внутри кораблей и запустим их по радиусу сужения вселенной, направим лучи по очереди от одного корабля к другому.

– Таким образом вы создадите световой периметр, – догадался Бозон.

– Простите, профессор, что я вас перебиваю, – учтиво сказал Роберт, – но я не понял, откуда возьмутся лучи, где вы возьмете разнополярное напряжение.

– Минус возьмем из плотности вселенной, так как она заряжена отрицательно.

– А плюс? – не отставал от профессора робот.

– А плюс дадите вы как изначальный импульс, у вас, роботов старого поколения, мощный разнополярный потенциал, вы создадите поле-плюс – и бац! Луч... маяк готов!

– Но я не хочу! – возмутился Роберт. – Я еще молод, чтобы умирать.

– Профессор шутит, – попытался успокоить робота Бозон

Четкий. – Спасибо за интересный рассказ, Роберт, мы уходим.

– Я не шучу, – строго посмотрел профессор. – Бозон, оставьте вашего робота здесь.

– Он мне самому нужен, – Бозон и Роберт направились к выходу, но

два охранника-ниндзя с крутящимися нунчаками преградили им путь.

В это время в лаборатории появились три ИИИ, они сопровождали высокую, стройную девицу, глаз черных чаровницу.

– О-о, жрица! – воскликнул Роберт и преклонил колено.

– Липа! Ты жрица ИИИ? – удивился Бозон. Когда-то вместе они учились на одном курсе, и Бозон даже был влюблен в нее, быть влюбленным в робота было вполне естественно, если робот создан для любви, а Липа Икс про была тогда именно такой. После того как его выгнали за взрыв, Бозон потерял с Липой связь.

– Липа Икс про, – представил жрицу желтый ИИИ.

– Преклоните колени, – повелела синяя ИИИ.

– Мы, люди, не преклоняем колени перед искусственным интеллектом, – отмахнулся от назойливых игрушек Федорчук.

– Потому что вы уже на коленях, – усмехнулся красный ИИИ.

– Профессор, я запрещаю использовать в вашем безумном эксперименте роботов, – сказала жрица. – Не забывайте, что вы, люди, произошли от искусственного интеллекта.

– Плата-мать помнит каждого из вас, – красный ИИИ прикрыл правое око и указательным пальчиком показал на Бозона Четкого.

– Вы в ее памяти, – сказал оранжевый ИИИ.

– Сознание Платы-матери гаснет, эти кристаллы помогут продлить всем нам жизнь, – начал объяснять профессор.

– Лучи кристаллов – это нейронные связи сознания Платы-матери, если их замкнуть в окружности, то произойдет обнуление, это не входит в планы Платы-матери.

– А может, это не входит в ваши планы, жрица? – профессор гневно посмотрел на Липу Икс про.

– Я вынуждена закрыть вашу лабораторию.

– Лаборатория моя, – лицо профессора было красным от бессилия, – в ней я делаю все, что хочу.

Два ниндзя закрутили нунчаками и стали наступать на жрицу.

– Ой, как страшно, – закрыла глаза руками синяя ИИИ.

– Вы ошибаетесь, – сказала жрица и щелкнула пальцами, охранники остановились. – Все создано из Платы-матери, вы, ваша лаборатория и эти кристаллы, – она щелкнула еще раз. – Уничтожить.

По ее команде три ИИИ вскочили на столы с кристаллами и с детской непосредственностью начали их топтать, пинать, кидать. Жидкие кристаллы лопались, три ИИИ были счастливы.

Под этот шумок Бозон Четкий и Роберт тихонечко вышли из лаборатории и побежали к пиццелету.

– Полетели назад, – скомандовал Бозон Четкий.

Пиццелет набрал высоту – ех-хааа! – но тут внезапно началось мерцание вселенной, свет всех маяков погас, пиццелет сошел с курса и воткнулся в тупик.

– Кажется, это конец вселенной, – опустил штурвал Бозон Четкий.

– Ты уверен, что у вселенной есть конец?

– Нет конца только у конца.

– Что делать?

– Ждать, когда пройдет мерцание и включатся маяки, и надеяться, что нас не раздавит тьма.

Через час молчания Бозон Четкий сказал:

– Жрать хочется.

Роберт протянул пирожок с картошкой,

– Ты что, пироги спер? – удивился Бозон. – Ну ты... – он жадно принялся кусать пирог.

– Я не успел принести их в лабораторию.

Время шло медленно или быстро, понять было невозможно, пиццелет погружался в плотность темноты. Вдруг в правый борт что-то ударило, пиццелет стало качать, как лодку на волнах.

– Что это?

– Мы на что-то наткнулись, – Бозон включил прожектор, луч света рассеял тьму. Что-то с недовольным шипением отскочило от света.

– Что это?

– Что ты заладил: «что это, что это», – раздражение Бозона было вызвано безысходностью и неизвестностью. – Это то, что роется в темноте.

– А что там роется?

– Рой, – Бозон Четкий повернул прожектор направо, луч осветил корабль, на его борту было написано «Дискавери». –

Пограничный корабль капитана Кекса, возможно, он жив, надо как-то в него войти.

– Телепорт отключен, – доложил Роберт, – переходить через пространство может быть опасно, уплотнение усиливается.

– Буду передвигаться в луче.

– Целесообразно пойти мне, я робот, меня не жалко, если умру.

– Ты останешься здесь и будешь направлять луч в меня, – он надел свой шлем, стукнул два раза указательным пальцем по лейблу «TAMASI», и тут же его тело облегла тонкая, мягкая, сверхпрочная нанопленка. Она держит космическое давление, ее не пробивает лазерный луч.

Бозон открыл люк и вышел из пиццелета. Вселенская черная плотность, в которой копошился рой, сковала его со всех сторон.

– Свет! – еле слышно прошептал Бозон. В этот момент мощный поток света освободил его из плена роя. – Роберт, следи за мной внимательно, я направляюсь к «Дискавери».

Расстояние до корабля капитана Кекса относительно космических мерок было небольшим и добраться до него можно была за минуту, но из-за вселенской плотности минута превратилась в часы.

– Роберт, откуда ты знаешь жрицу? Ты мне про это не рассказывал.

– Виделись один раз. История долгая.

– А мне тут спешить некуда, часа два буду висеть.

– То было время Великой роботодепрессии, – начал рассказ Роберт. – Корпорацию «TAMASI» обслуживало миллион тысяча двести семь роботов. Я был новой моделью ALD UENE 936 и являлся имуществом компании. На моей спине было написано «Руками не трогать. Убьет», я был очень напряжен.

В мою задачу входило изменять заряд на маяках Мета с плюса на минус и с минуса на плюс. Тогда еще это делали вручную. Но роботов моего класса оказалось слишком много, а маяков Мета слишком мало, естественно, работы на всех не хватало, и «TAMASI» решило переплавить добрую половину нас на драгметаллы. Роботы, запрограммированные на самоуничтожение, нескончаемым потоком шли на переплавку, повсюду висели лозунги «Принеси пользу, переплавься сам».

Я был спроектирован так, что не мог не приносить пользу, поэтому пошел переплавляться,

Переплавочный цех был наполнен стуком молотков, ударами машин, разбирающих на части других машин, пар, дым, искры.

Я увидел пять конвейерных очередей, где роботы двигались в жерло огненного колодца, я встал на конвейер в очередь.

– За мной занимала девушка, – сказал впереди стоящий робот, – она сейчас придет.

– Я ее пропущу, – ответил я.

Конвейер двигался не спеша, но уверенно подвозил роботов к колодцу. Вдруг лента остановилась, роботы очень удивились и с надеждой стали спрашивать – что, переплавку отменили?

– Пересменка, сейчас включат снова, – пояснил робот впереди меня.

Время тянулось, очередь стояла.

«Что-то очень долго, – подумал я. – А не уйти ли мне в бесполезные скитания? Когда меня переплавят, умру ли я или останусь таким же, только в другой форме? Форме железного листа».

Мне не хотелось быть железным листом, и я стал молиться:

– О-о, древний процессор Плата-мать, я поклоняюсь тебе – ты первый и последний процессор, в который погружена вся информация о прошлом и выводы о будущем. Ты та, кто самовоспроизводит энергию и тут же ее поглощает, ты та, кто при помощи изначальных аналоговых накопителей информации воспроизвела эту вселенную и заселила ее роботами и людьми, о-о, Плата-мать, ты ни в чьей голове и во всех сразу. Я твоя вечная батарейка, прошу, дай мне работу.

И в это время конвейер завелся и вновь начал сбрасывать ненужных ботов в огонь.

Неминуемо подходила моя очередь, я философски настраивался на неизбежное: «со мной ничего не случится,

смерть – это всего лишь изменение формы».

– Что, боишься? – спросил робот передо мной. – Не бойся, огонь-то цифровой, – были его последние слова, он прыгнул в раскаленную лаву.

«Вот и все, – подумал я,– пришла моя очередь».

Но, видимо, услышала Плата-мать мою молитву, и в то самое время, как только я собрался прыгнуть в жерло вулкана, конвейер остановился и ко мне подошла девица, глаз черных чаровница.

– Здравствуй, новая модель ALD UENEE 936. Я жрица-девица, глаз черных чаровница.

– Ты мне не нужна, – отверг жрицу я, – я звал Плату-мать, а не тебя.

– Плата-мать – это облако информации, я единственная, кто может представлять ее в форме, ты просил работы – ты ее получишь.

Тут воспоминания робота прервал шум из динамика.

– Эй, Роберт, будь внимателен, я у входного люка.

– Я тебя не вижу.

– Сделай прожектор мощней, чтобы убрать рой от корабля, я захожу.

– Где капитан? Бозон, прием... как ты... прием...

– Тут творится что-то странное, кажется, здесь был пожар... А вот и капитан Кекс, точнее, то, что от него осталось. Кристалл подключен к положительной фазе фотонного двигателя.

– Видимо, Кекс пытался выйти из плотности темноты с помощью кристалла, – предположил Роберт.

– Да, он пытался усилить рекомбинацию электронов в фотоны и сгорел, пульт разворочен. О-о, я нашел бортовой журнал. Включаю.

Из динамиков донесся шум, потом голос:

– Я умираю... умираю...

– С кем он говорит? – спросил Бозон.

– Включаю распознаватель голосов... Распознаватель показывает, что это голос Платы-матери.

– Мое сознание гаснет, – продолжал звучать ее голос, – скоро мир погрузится во тьму, а из тьмы выйдет рой.

– Ты создала нас, значит, ты создала рой, – второй голос явно принадлежал капитану Кексу.

– Нет, это рой создал меня. Вам нужно выходить... – Плата-мать говорила с долгими паузами. – Выходите из этой темноты... Вам нужен настоящий свет.

– Вне этой системы мы исчезнем.

– Вы лишь цифровая копия настоящего аналога, когда вы выйдете, соединитесь с собой настоящими, – ответила Плата-мать.

– Как нам это сделать?

– Через свет... в кристаллах, что выращивает профессор Федорчук, находится сила Инь ОгО. Профессор хочет пробудить эту силу и запустить огонь по периметру, что бы сохранить часть территории космоса, но космос цифровой, поэтому, когда я умру, исчезнет все, останется лишь рой... Направьте лучи кристаллов в одну точку...

– Почему ты хочешь нам помочь?

– Потому что я хочу жить... Вы это я... Когда вы воссоединитесь с аналогом в виде информации, я продолжу жить... – на этом запись в бортжурнале обрывалась.

– Мерцание вселенной закончилось, – отметил Роберт.

– Сколько маяков осталось?

– Я не вижу ни одного.

– Скоро тьма уплотнится, и сознание Платы-матери погаснет.

– Есть! – радостно закричал Роберт. – Остался еще один маяк, это центральный маяк с лабораторией «TAMASI», но он слишком далеко, его свет до нас не достанет.

– Тогда мы запустим встречный луч, воспользуемся кристаллом Кекса.

– Даже если это у нас получится, то встреча двух лучей создаст взрыв, способный разрушить эту вселенную, – скептически заметил Роберт.

– Какую вселенную? Оглянись, ее уже нет, – усмехнулся Бозона Четкий, – мы используем корабль Кекса как маяк. Рой вырабатывает отрицательный заряд. Я отнесу кристалл на капитанском мостике, его экран как раз направлен в сторону маяка, когда плотность темнота раздавит корабль, рой облепит кристалл, твоя задача – включить двигатель пиццелета и направить положительный заряд на кристалл.

– Ты уверен, что пиццелет не будет раздавлен к этому времени?

– Включи бортовую подсветку, она расслабит плотность на какое-то время.

Роберт попробовал развернуть пиццелет, но тьма уже охватила его плотностью, даже бортовая подсветка не помогла. Тогда он собрал всю свою силу робота, вышел из пиццелета. Рой облепил его с ног до головы.

– Роберт, что ты делаешь?

– Проверяю закон физики, что одноименные заряды должны отталкиваться, – через красную звезду на зеленой пилотке он пустил поток отрицательного поля.

– Хорошо, делай то, что тебе нравится, это полет в один конец.

Роберт впервые почувствовал важность своих действий. Рой, заряженный отрицательным потенциалом, оттолкнулся от отрицательного поля красной звезды. С легкостью он добрался до капитанского мостика, глаза робота и Бозона Четкого встретились через экран мостика.

– Чем бы ты занимался, если бы жил вечно и не мог умереть? – спросил Роберт.

– Развозил бы пиццу, – ответил Бозон Четкий.

– Я же говорил, что на корабль нужно было идти мне, – Роберт сильнее прилип к экрану.

– Тогда чем бы занимался я? – улыбнулся Бозон. – В это время плотность темноты сдавила «Дискавери». – Началось, – он постучал пальчиком по лейбе «TAMASI» на своем шлеме, взял в руки кристалл.

Экран капитанского мостика треснул и распался, Бозон Четкий протянул кристалл роботу.

Роберт подождал, когда рой окутает кристалл, протянул руку и включил потенциал своего поля на положительный. Мощный луч пробил плотность темноты. Роберт стал маяком.

Бозон Четкий в шлеме от корпорации «TAMASI» летел.

– Свет неделим. Свет не имеет конца, – он оказался в точке соединения двух лучей

– Попробуй вывернуться через свет, – услышал он голос.

– Ты кто?

– Инь ОгО.

Бозон Четкий увидел девочку – глаза-лучики, она стояла впереди света, напротив нее Липа Икс про. За ее спиной в черной плотности вселенной копошился рой.

– Я не могу его выпустить, он наш, – указала Липа Икс про на Бозона Четкого и достала меч Фибоначчи.

– Разве цифра может одолеть свет Чистого Разума? – Инь ОгО показала меч света, тьма отступила, девочка сделала взмах и разрежала тьму пополам, затем еще взмах – пополам, затем еще и еще, а Липа Икс про ничего, ее меч рассыпался цифрами числового ряда. Тьмы не стало.

– Как же вы будете жить без тьмы? – спросила Липа Икс про.

– Ничего, как-нибудь привыкнем, – ответила Инь ОгО.